

Принято считать, что первой леди СССР была (глубоко мною уважаемая) Раиса Максимовна Горбачева. Но задолго до ее появления на политической орбите советское сознание было взорвано космическим прорывом двух других женщин — Валентины Терешковой и... Беллы Ахмадулиной. Первая слетала в космос один раз. Вторая — поэт — продолжает свое космическое путешествие.

Белла АХМАДУЛИНА: WHO IS PUTIN?

Вст. 11 окт. - 2000. - 27 сел. - с. 3

Анна САЕД-ШАХ

— Белла Ахатовна, еще говорят, что вы первая, до американцев, произнесли ставшую афоризмом наших дней фразу «Who is Putin?» Вам, кажется, тоже предлагали войти в инициативную группу поддержки будущего президента?

— Было очень раннее (по крайней мере для меня) утро. Раздался телефонный звонок: «Вам звонят от Владимира Владимировича». Я со сна и спросила: «Как, от Маяковского?» Мне объясняют, что нет, от Владимира Владимировича Путина. Тогда я поинтересовалась, кто такой Путин.

— Недавно появилась новая мода — награждать независимых представителей интеллигенции чем-нибудь очень доверительным, например, акциями ОПГ. Вам предложил Березовский свои акции?

— Нет, должно быть, я слишком независима для такого доверия.

— А вот ваш друг и некогда вами горячо защищаемый Василий Аксенов уже стал аж дважды «независимым». Сначала — от политического движения Бориса Абрамовича, а теперь еще и от его акций.

— У меня есть поговорка: из великих людей, к сожалению, гарнитура не сделаешь. Аксенов — мой ближайший друг, замечательный человек. Я очень его люблю. Правда, я с ним абсолютно не согласна по Чечне, считаю эту войну преступным деянием. Как говорится, Платон мне друг, но истина дороже. Последний год принес мне массу страданий. Меня глубоко оскорбило вранье, которое скамливалось близким погибших моряков «Курска». Врать им — оскорбить их. И меня. Я надеюсь, после всего, что произошло в последнее время со страной, народ встряхнется и очнется. Что же мы делаем, морочим голову, позоримся на весь мир!

— Вас не оскорбляет сегодняшнее положение культуры? Ваши дети, например, читают ваши стихи?

— Дети хорошие. Они учат меня писать на компьютере. У меня плохо получается, и они вынуждены разговаривать со мной, как Эйнштейн с второгодником. Лизвета пишет с подружкой безгрешные романы для девочек. У нее псевдоним Воробей. Дети хотят независимо существовать. Мои стихи у них есть, но я не интересовалась, читают ли. Знаю, что они их дарят собаководам. Дети, как и я, не могут жить без собак. У них дворняги и три кота. А у нас щенок, но я никак не могу придумать ему правильное имя, пойте мне покажу.

Двухмесячный палевый шарпей, еще не получивший имени, попытался не пропустить меня в комнату хозяйки. Показав себя, он, похрюкивая, засеменил на балкон.

— На птичьем рынке, когда мы с мужем Борисом Мессерером его покупали, у меня брали автографы. Выходит, читатели еще есть. Просто они уходят по возрасту. Их дети уже не читают книг. Недавно мы с Борисом выступили на книжной ярмарке, было множество прекрасных книг. Но эти прекрасные книги почти недоступны для простых людей. Они их даже в библиотеках не смогут прочитать, нынче в библиотеках нет ничего. Они немощи, как и мои читатели.

— Но, насколько мне известно, ваши книги хорошо расходятся.

— Благодаря Борису я веду довольно беспечную жизнь. Я не слежу, как расходятся мои книги, и своих стихов на ночь не читаю.

— Советских медалей и орденов вы не получали. Но зато в вашей жизни были куда более ценные награды — встречи с Анной Ахматовой, Шагалом, Надеждой Яковлевной Мандельштам. Вы, кажется, опекали ее до самой смерти?

— Я готовлю к публикации мемуары о Надежде Яковлевне. Она была одиноким человеком, умерла 29 декабря 1980 года. Трудный был год: провожали из страны Войновича, смерть Высоцкого, проводы Аксенова, смерть Надежды Яковлевны... У меня ее посмертные маски — прекрасного лица и правой руки. Я, конечно, все это отдам в музей. У меня есть автографы Бунина, Цветаевой, Пастернака.

— А у вас есть, как у Ахматовой, ученики, жаждущие чему-то научиться?

— Приходят молодые, просят прочитать и написать предисловие. Мне неинтересны те, кто стремится печататься. Советов не спрашивают, да я и сама не знаю, как надо писать. Обожание — тоже вещь опасная. Анна Андреевна чувствовала мое преклонение и была со мной, возможно, излишне сурова. Я ведь долго и с Набоковым боялась встретиться ввиду все того же обожания.

— Вот уже Набоков и Ахматова — век минувший. А вы (как замечательный стилист) чувствуете стиль приближающегося тысячелетия?

— Я уже написала: *В чужом столетии и тысячелетии Навряд ли я надолго приживусь.*

— Ну, сейчас для того чтобы «прижиться», достаточно попасть в Интернет. У вас есть свой сайт?

— Наверное.

— А вы знаете, что это такое?

— «Сайд» — это по-английски «сторона».

— Сайт — это страничка в Интернете. Ведь кто-то из поклонников должен был вас ввести в мировую сеть?

— Мой сосед говорил, что он меня куда-то ввел. Но у меня не было времени расспросить, я сейчас пишу довольно острую прозу, она уже объявлена в журнале «Знамя».

— Случайно не детектив?

— Нет. Хотя уверена, что такой жанр существует, и я даже отправляюсь иногда на курорт слабоумия, т. е. читаю детективы. Но мне важнее трехтомник Приставкина, где обозначены реальные проблемы, связанные с преступностью и смертной казнью.

— Вы знаете, что сейчас рассматривается вопрос о защите (контроле) массовой информации? Даже частных изданий.

— Я знаю, что опять разрешена подслушка, якобы для борьбы с преступностью. Я хорошо помню, как это было раньше: прослушивали не стесняясь, иногда даже вмешивались в разговор репликами или шутками. Я даже сама этим пользовалась.

— Как это?

— Вы сами заметили, что мне многое прощалось. Ну, к примеру, история с княгиней Мещерской. Когда началась перестройка, Екатерину Александровну пропечатали в «Огоньке», к ней пришла смешная для нее, но все-таки приятная слава. Неожиданно объявились из-за границы далекие родственники (она была бездетна) и позвонили ей на Поварскую, где она жила в дворничихой. И вдруг отключился телефон. Она в панике. Я набираю 09 и прошу телефон справочной КГБ. Звоню: «Здравствуйте, мое имя Белла Ахмадулина». На другом конце провода отвечают с необыкновенной любезностью. Я продолжаю: «Близкий мне человек живет в соседнем доме, княгиня Мещерская, у нее отключился телефон. У нас, правда, рюют во дворе какой-то кабель, но и на вас приходится грешить. А я думаю: вдруг не вы. Будьте добры, проверьте этот номер» — и даю телефон Мещерской. Проходит не более пяти минут, мне звонит этот человек: «Белла Ахатовна, телефон уже работает, можете звонить Мещерской...» Все-таки конвоиру конвоиру рознь и чекист чекисту — тоже. Капля капле не близнец. Кстати, когда обсуждалось на секции поэзии мое заявление по поводу Сахарова, в зале сидел ничем не приметный, никому не знакомый человек. Писатели обсуждали, что со мной делать. Одни го-

ворили, что не могут быть со мной в одном Союзе писателей, другие — что вообще в одном Советском Союзе. Тогда этот незаметный человек встал и с некоторой долей презрения сказал писателям: «Это будет решаться не на вашем уровне» — и ушел.

— А где бы вы захотели жить, если бы вас выслали?

— Нигде.

— Но путешествовать-то вы любите?

— Уже не люблю, особенно после смерти Окуджавы. Не хочу умереть за границей. В годовщину смерти Булата я выступала на вечерах его памяти. На одном из них я сказала, что на Ваганьковском кладбище появилась пригласительная или предупредительная табличка «Для поэтов и бардов». И так как я всегда была близка к Булату не только человечески, но и географически, то хотела бы претендовать и здесь на соседство. Тут подбежал мужик, хлопнул меня радостно по плечу: «Как хорошо, что вы сказали, где будете похоронены!» Я не поняла и спросила, чему он так радуется. «Да я живу рядом, мне только дорогу перейти». Я ужасно смеялась, и Булат бы смеялся.

— Кажется, это новый поворот классической пушкинской темы: поэт и толпа...

— А знаете, ко мне приходил потомок Дантеса. И я его приняла, заверив, что он ни в чем не виноват. (Я действительно считаю, что Дантес не виноват.) Потомок признался, что я первый русский человек, кто с ним благосклонно разговаривает. Однако через какое-то время я вдруг попросила: «Знаете что, уходите-ка лучше». Не знаю, почему.

— В России не любят Дантесов. А поэтов любят до сих пор.

— Но не больше, чем артистов. Перед своими выступлениями Булат часто говорил: я не певец, не гитарист, не знаю нот, давно не пишу стихов. И однажды услышал из зала: «Ну и чего ты сюда пришел?» У меня тоже был такой случай. Перед выступлением в провинции в доме культуры меня спросили, как лучше написать в афише: поэт или поэтесса. Я ответила, что это неважно. Напечатали «поэт», но с грамматической ошибкой — «поет». Я вышла на сцену, что-то говорю, читаю стихи... Вдруг какой-то малый с заднего ряда не выдержал: «Ну и когда ты петь-то будешь?» Мне стало так его жалко, что я вынуждена была признаться. Я ответила: «Это я так пою».